

Г. И. Бондарев

ГЕНИЙ БОНДАРЕВ

Соберем эти записочки, обрывки, клочки, и что-то, может быть, из этого составитя? А на одном листке будет обязательно написано «БОНДАРЕВ».

Гений Иосифович Бондарев.

* * *

Пойти побродить по первому снегу бесцельно, погоревать об осени, о том, что тебе уже двадцать лет, и вернуться назад со снегом в голове, отряхнуться, и снова стать мальчиком, которому тыкают все продавцы и вахтерши. Подняться по выщербленным ступенькам и очутиться на лекции Бондарева. Прижаться с тетрадкой к стене и слушать сквозь навалившуюся дрему что-то очень уютное про то, что конца в принципе нет, и исчезновение всех нас и всего, что за окном, — «это не означает регресса в развитии мира...».

Незаклеенное окошко дышит холодком, пахнет снегом восемьдесят первого года.

Большой, грузный Бондарев сидит на краешке стола — без бумажек, без мела и таблиц, — мнет лежащий рядом портфель, который никогда при нас не открывает, только щелкает иногда механически замком, отбивая один закон диалектики от другого.

Это сейчас я знаю, что в том портфеле всегда лежал НЗ нитроглицерина и старая открытка с видом на главное здание МГУ. Что в кармане пиджака он всегда носил маленькую жестяную коробочку с беззубой расческой — талисман с лагерных сороковых годов. Говоря на лекциях о самых главных для него вещах, он сжимал в кармане эту отполированную руками коробочку, сжимал так, что крышка проминалась и жалобно похрустывала.

Это сейчас я знаю, что в лагере его звали «Примусом», и позднее, в оттепельное время, сокамерники так и писали ему образцовым старорежимным почерком: «Здравствуй, Примус!» Знакомые по ссылке писали уже «Женечка». Его любили ссыльные профессора-астматики, наглотавшиеся вместе с ним кустанайской пыли, и каждый из них считал Бондарева своим лучшим учеником...

Он ничего этого, конечно, не рассказывал. Даже те, кто проработал с ним на одной кафедре полжизни, о многом только догадывались. Он не хотел быть легендарным пострадавшим. Мемуаров не оставил, хотя сколько раз в последние годы просили написать, рассказать...

Ему гораздо интереснее было вести фенологический дневник. Двадцать лет подряд он всякий день начинал с этого дневника, а потом дописывал вечером. «Пруд городской замерз...», «Теплый месяц, официальный прогноз оказался липовым». В декабре записи пропадают – «28-го – инфаркт». С 5 января заметки возобновляются. А 20 марта 1991 года они оборвались навсегда.

Философия – это когда еще больно. Когда больно думать, но и не думать нельзя. Когда замерз городской пруд...

* * *

Я очень долго собирался написать Бондареву. Это воображаемое письмо и такой же придуманный ответ был одним из самых приятных предметов для размышлений. Но написал я ему только в этом году.

«...Одна из Ваших фраз – случайно или не случайно – запомнилась как нечто очень личное. Вы тогда сказали, не убеждая нас, а утешая: “У нас, ребята, впереди еще миллиарды лет...”».

Я помню даже аудиторию, в которой Вы читали. Не знаю, что случилось с Вашими взглядами на мир и его будущее, но, мне кажется, Вы и сейчас не откажетесь от тех слов?.. «Последнее время меня волнует судьба оптимизма...» Недели через две мне позвонили из Свердловска: «Гений Иосифович умер в прошлую среду. Внезапно, на научной конференции. Сидел в актовом зале, наклонился к соседу – будто сказать что-то хотел. Ваше письмо он получил накануне, оно так и осталось у него на столе...»

В программе той научной конференции был и доклад Бондарева. Сохранился его конспект. В начале выступления Бондарев собирался напомнить слова Гегеля: «В обществе, где есть рабы, никто не может быть свободным...»

* * *

Я так и не нашел синенькой тетради. Она неизбежно должна была потеряться. Конспекты его лекций имелись только у двух-трех человек с нашего курса. За ним было трудно записывать. Он начинал читать с порога аудитории, еще не бросив на нее взгляда, не ожидая абсолютной тишины. Его вообще, кажется, не волновало, пишем мы что-то или нет. Он говорил в темпе своих мыслей.

Когда я прочитал то немногое, что ему удалось опубликовать в университетских научных сборниках, я еще больше пожалел о своей синей тетрадке. Бондарев остался в лекциях, опубликованное не то что бледно – неравноценно сказанному. Это просто другое. Так в прошлом веке не слышавшие лекций Грановского не понимали тех, кто его слышал.

И все-таки я нашел недавно ту фразу, о которой напомнил Бондареву в письме – она нашлась в тетрадке 82-го года, рядом с цитатами из

Толстого, Ленина, Вл. Соловьева, Фихте и конспектом по огневой подготовке (тема № 5: «Ведение огня из автомата по появляющимся и движущимся целям днем и ночью»): «История человечества находится в самом начале. Впереди у нас по крайней мере сотни миллиардов лет!» И еще, рядом: «Будет время, когда борьба субъектов станет подлинно человеческой! Бондарев».

Сейчас мне уже самому трудно понять, почему именно эти фразы попали в эпитафии того года. Чтобы понять, надо, пожалуй, вспомнить контекст: «Афган», похороны генсека, полуподпольная «Машина времени» и подпольный БГ (Борис Гребенщиков), Ельцин вводит чрезвычайное положение на уборке картошки, и мы тонем в грязи на полях... Анатолий Эфрос говорит в этот год своим актерам: «...Нужно понять, в чем там дело, а дальше ничего не делать. Проглотить смысл, понимаете, съесть его – а потом ничего не делать. Просто пробубнить, просто сказать, не подавая его, – и он сам собой наполнится».

Мы не все понимали у Бондарева, но смысл глотали. В восемнадцать втором году Гений Иосифович читал на нашем журфаке курс о противоречиях социализма (курс, который он начал разрабатывать еще в 61-м году!). Все, что случилось с социализмом после 85-го, было для нас уже повторением пройденного.

* * *

Бондарев родился в Кременчуге в 1926 году. Родители-комсомольцы легкомысленно называли мальчика Гением. Сколько он потом претерпел насмешек, подколов: жить с таким именем в стране, на которую полагался всего лишь один живой гений, – это было смешно и опасно.

Ему пришлось стать круглым отличником. Отца чуть не каждый

год переводили из города в город, он рос по железнодорожному ведомству, а сын в каждой новой школе приобретал славу вундеркинда. Особенно блистал в математике. Когда вундеркинд уже сидел на Лубянке, следователи НКВД запросили из всех школ, где он учился, характеристики на «руководителя антисоветской группы». И свято верящие в «недоразумения» директора школ отправили на Лубянку чуть не поэмы о своем ученике. «Был в числе лучших, учился только на пятерки, любую общественную работу выполнял образцово. Дисциплину имел только отличную...».

Из обвинительного заключения по следственному делу 16869, утвержденному прокурором г. Челябинска Болдыревым 13 апреля 1946 года: «...В первых числах декабря месяца 1945 года Управлению МГБ по Челябинской области стало известно о существовании антисоветской группировки, ведущей организованную контрреволюционную работу, куда входит учащаяся молодежь... На основании этих данных Бондарев Г.И., Динабург И.С., Ченчик Г.Ф., Бондарева В.И. и Гольвидис Р.Н. были одновременно арестованы и привлечены к следствию...» Бондарева арестовали в общежитии МГУ на Стромынке – он к тому времени полгода как учился на мехмате. Завалились в два часа ночи, все перевернули. Бондарев с 15 лет готовил себя к аресту (еще в 43-м году писал с друзьями письмо Сталину), много раз проигрывал в уме эту сцену. Хотелось выглядеть достойно, но его уводили ночью, и заспанные близорукие соседи по комнате не видели, что он уходит без слез.

Что же случилось в 45-м? В январе победного года три челябинских школьника задумались о странностях социализма и пришли к выводу, что Страна Советов свернула

с ленинского пути. Позднее к организации «примкнули» две девушки из женской школы, они переписывали злополучный манифест ИКМ. Была рядом с их компанией еще одна девчонка с красивым именем Изольда. Эта девочка, как потом оказалось, записывала их споры и пылкие речи для НКВД. После школы друзья разъехались в разные стороны. Бондарев с золотой медалью – в МГУ, Ченчик – в Челябинский пединститут, Динабург – в Свердловский университет. Еще полгода, до совершеннолетия, им дали погулять. Вдруг «обнаружат» себя агитацией, начнут вербовать. Нет, стали учиться с бешеной силой. Пришлось брать, не пропадать же такому делу.

Из обвинительного заключения: «В ходе следствия выяснилось, что обвиняемый Бондарев Г.И., будучи враждебно настроен к существующему в СССР строю, организовал в начале 1945 года антисоветскую группу из числа учеников средней школы № 10 в Челябинске... Указанная антисоветская группа, именовавшая себя “фракцией”, сблизившись на почве общности антисоветских убеждений, пыталась создать по принципу цепочки антисоветскую организацию из числа морально и политически неустойчивой молодежи, написать программу организации, идеи которой сводились бы к становлению “нового строя” в СССР.

...В целях осуществления своих контрреволюционных замыслов по “реорганизации” партии и комсомола; обвиняемые мыслили также встать на путь вооруженного восстания для изменения строя...

Обвиняемый Динабург пропагандировал свою теорию так называемой им “икс-формации”, которая включала в себя критику советской действительности и проведение ана-

логии между социалистической системой и капиталистической».

«Обвиняемые мыслили»... Вот так в 46-м из вдумчивых мальчиков выбивали желание разобраться во взрослых книгах и взрослой жизни. В лагере и ссылке Бондарев вволю читается Ленина и Маркса, доберется и до Маркса раннего, а потом до Гегеля в подлиннике.

Из последнего, несостоявшегося выступления Бондарева (тезисы к научной конференции, март 1991 года):

«...Его (социализма. – Д.Ш.) неизбежный крах явился только подтверждением истинности марксизма. И представляется странным, как люди, стоящие на позициях марксизма, до сих пор не задумываются над тем, что создание того общества, которое существует в нашей стране, не только не является осуществлением идей Маркса, а напротив, противоречит самим основам его философских и экономических представлений о социализме и коммунизме... Это общество противоречит природе человека... Оно изначально ничего общего с социализмом не имеет... и обречено на движение в тупик и распад».

Осенью 91-го года должна была выйти из печати его последняя книга, он успел вычитать ее в гранках (Судьба социализма. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та). В книге его любимая мысль о том, что «взгляды классиков преходящи», но их нужно знать. В апреле публиковали последние записи Мераба Мамардашвили (Бондарев мог бы учиться с ним на одном курсе МГУ, если бы не лагерь...), – в этих записях тот же диагноз современному состоянию марксизма: «...Сегодня мы имеем “плачущий марксизм”... Проснулись в слезах. Горячо, горячо, близко, близко... Но еще не мысль».

* * *

В конце «срока» он по здоровью попадет в «придурки», станет работать нормировщиком, ему разрешат иметь при себе ручку и он начнет записывать разговоры с самим собой на узких полосках газетной бумаги. «Нужно помнить! Все помнить! Забыть это легче!»

В ссылке окончил учительский институт, немного поработал учителем географии, и вот 54-й год – амнистия. Он тут же едет в Москву, в МГУ. Нет, не восстанавливаться на мехмате, а поступать на философский. Ему 28, ровесники или в аспирантуре, или на старших курсах (а среди них Эвальд Ильенков, Александр Зиновьев, Мераб Мамардашвили...).

Из письма знакомой девушке:
«Здравствуй, Оля!

В Москве меня постигла неудача. В университет меня не приняли. Все проходившие собеседование золотомедальники еще сосунки... Но все эти сосунки – комсомольцы. Посему они в большинстве в университет были приняты. Моя же биография вызвала много вопросов...»

В Уральском университете его приняли, но он всю жизнь тосковал по МГУ, по общежитию на Стромынке. Каждый отпуск ездил в Москву – побродить по тем местам, где все начиналось и многое рухнуло безвозвратно.

УЧЕНИК (Лев Закс, преподаватель философского факультета УрГУ, выпускник 1972 года):

– Его любимым предметом была тема мироздания, бесконечность материи, циклы развития космоса. Он создавал себя частицей огромного вечного процесса, и то, что мы называем настоящим историческим, было для него маленькой толикой. Это его укрепляло и возвышало. Сейчас идею бесконечности можно

связывать с идеей Бога, для него же это была идея мироздания. Бондарев считал, что любая картина мира хороша, если она дает человеку шанс...

В 1949 году он записал на клочке бумаги: «Какая это высокопоэтическая вещь – история замысла человеческого».

Бондарев был последним романтиком, хотя сам он считал себя рационалистом. Только человек, поставивший крест на собственном благополучии и карьере, мог тридцать лет упрямо пробиваться к студентам с темой о противоречиях социализма. Со стороны он, безусловно, казался персонажем театра абсурда: при видимом торжестве марксизма-ленинизма марксист Бондарев работал «в стол», а свой взгляд на марксистскую классику он мог высказать лишь на студенческих семинарах. Он был тем редчайшим для советского времени марксистом, который знал цену марксизму.

* * *

В наступившие девяностые годы исполняется сто лет с тех пор, как марксизм захватил умы русской интеллигенции. Можно по-разному относиться к марксизму, но как не задуматься над истинными причинами «помрачения» русских умов! Где, когда это началось: в Дерпте, Лондоне или Лозанне? Или в Петербурге и Казани? Среди тех, кто пережил очарование Марксом, были не только фанатики и недоучки, но и весьма трезвые и умудренные люди. Г. Федотов, к примеру, считал, что именно марксизм повлиял на поворот религиозных исканий в России в сторону православия.

* * *

В Свердловске он жил на улице Военной. Рядом была конвойная часть и сосновый лес. В лес он ходил думать, а в конвойную часть его

приглашали читать лекции личному составу. Он читал с удовольствием. Однажды у автостанции, отвечая на какой-то нелепый вопрос пьяненького дачника, он так увлекся, что собрал вокруг себя толпу слушателей, которые заслушались и прозевали автобус.

ЖЕНА: «Утром он пил лекарства, шел на трамвай, проезжал одну остановку, поднимался на третий этаж на кафедру, читал лекции, а я бегала с работы справляться: дошел или нет... Заходил в аудиторию еле живой, но каждый раз, когда начинал читать, воодушевлялся, у него проходила стенокардия...»

УЧЕНИК: «Он был стойким. Когда в начале 70-х стали доказывать, что мы живем при развитом социализме, он говорил на семинарах, что ничего подобного у нас в стране нет. В 68-м году он был единственным, с кем мы, студенты, могли быть откровенны. Бондарев абсолютно однозначно осуждал вторжение в Чехословакию, но в отличие от нас он говорил, что это не просто ошибка...»

ДОЧЬ: «Я помню дождь. Отец несет меня вдоль длинного-длинного забора. Я сижу у него на руках под болоньевым плащом. Он скользит по глине, дождь стучит по плащу. Папа записал меня в детский сад и несет домой, как маленькую, и говорит что-то непостижимое, но ласковое...»

Мы жили, оказывается, рядом. Нас разделяло три проходных двора. Я каждый день шел в университет мимо его дома, а он ходил на рынок мимо моего – такой же пятиэтажной «хрущевки».

Кухни в этих домах крошечные, размером с гардероб, и на бондаревской кухне не было даже стола. Чтобы пообедать, он выдвигал из буфета маленькую досочку, а когда вставал, то обязательно стучался о нависавшую над головой полку.

Из последней (оставшейся в конспектах) лекции Бондарева: «...Распад нарастает, а переход в новое состояние пока меньше всего может представляться шагом на пути прогресса. Все имеющиеся альтернативы нашего общественного развития не сулят нашему обществу в близком будущем благополучия...»

Я так и не знаю, оставил ли он нам те миллиарды лет, о которых говорил в 82-м? Думаю, оставил. Он любил людей, звезды и знал нечто, выходящее за пределы марксистского миропонимания.

УЧЕНИК: «...Все время ощущалось, что он открыт солнцу, ветру, реке, лесу. В нем не было разлада. Он был островком цельности в океане разорванных сознаний. За несколько дней до смерти мы встретились в коридоре, и он сказал мне в своей обычной мажорной манере: «Ну что, идем к капитализму?» В этом не было печали или радости. В этом было понимание. Он был свободен, когда понимал... На поминках все выступавшие почему-то считали своим долгом подчеркнуть, что он был членом КПСС. Меня это очень удивило, потому что это было не главное в нем».

ЖЕНА: «19 марта вечером мы поехали в парк позже обычного. Пока ехали, наступили сумерки. Немного походили, закат был, весной пахло. Он очень тяжело переносил зиму. Плохо видел, часто падал по дороге на работу... Когда выходили из парка, было совсем темно. Он посмотрел на отсвет вечерней зари: “Вот так же было, когда мы копали траншеи в лагере. Двухметровые траншеи. Такое же было небо – я часто поднимал голову...” Вдруг мы услышали, как следом кто-то быстро идет. Это был сторож. Он закрыл за нами калитку...»

Д.Г. Шеваров, писатель
1991